

УДК 821.111 «17»

С. А. Ватченко

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***«АМЕЛИЯ» Г. ФИЛДИНГА: ПАРАДОКСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Розглядаються витoki та тенденції поглиблення наукової полеміки з приводу «Амелії» Г. Філдінга.

Ключові слова: комічна епопея в прозі, міський роман, роман-експеримент, образ автора, всезнаючий автор, автор та читач.

Рассматриваются истоки и тенденции углубления научной полемики по поводу «Амелии» Г. Филдинга.

Ключевые слова: комическая эпопея в прозе, городской роман, роман-эксперимент, образ автора, всеведущий автор, автор и читатель.

The reasons and tendencies of deepening of controversy among scholars concerning H. Fielding's "Amelia" are considered.

Key words: comic epic poem in prose, city novel, experimental novel, implied author, omniscient author, author and reader.

В декабре 1751 года лондонцы наконец-то обрели возможность ознакомиться с содержанием романа Генри Филдинга «Амелия». Появление в печати очередной книги автора увлекательных комических историй о Джозефе Эндрюсе и Томе Джонсе ожидали с нетерпением. Еще осенью опытный издатель Эндрю Миллар озадачил ценителей таланта писателя, посетовав, что едва ли сумеет удовлетворить растущий спрос читателей, даже несмотря на то, что предпринял меры: привлёк дополнительно типографские станки для реализации заказа. Слова книгопродавца возымели действие, и в первые дни книга раскупалась мгновенно¹. Однако не столько напористость делового человека и не слепая самонадеянность знатока литературного рынка определили безошибочное поведение «предприимчивого шотландца», сколько тревога, подкреплённая мнениями коллег о том, что текст рукописи, с которой они ознакомились, – странный, необычный, и едва ли, будучи опубликованным, повторит успех «Тома Джонса».

Судьба «Амелии», «любимого детища» Филдинга, к этому времени ставшего влиятельным мировым судьёй и знаменитым романистом, оказалась трудной и противоречивой. Уже 23 декабря, полагает М. Баттестин, Филдингу был ясен вердикт, вынесенный ему столичными интеллектуалами. Передавая с оказией своему близкому другу Джеймсу Гаррису копию, как замечает Филдинг, «моей оболганной книги», он с горечью признаётся, что в его адрес было высказано обилие критики, которую в последнее время вряд ли удосужился услышать какой-либо другой сочинитель² [5, p. 532–533].

¹ Поначалу интерес к «Амелии» был велик и ряды книг на прилавках стремительно редели, что заставило Миллара планировать второе издание в 3000 экземпляров, но вскоре он отказался от задуманного. Продажи упали, и лишь в 1759 г. последние напечатанные при жизни Филдинга тексты «Амелии» нашли своего читателя. Любопытно, что роман пользовался в то время бóльшим успехом на континенте. Уже в 1752 г. «Амелию» перевели на немецкий, а в 1756-м – на датский языки, однако «французская» «Амелия» появилась в 1762 г., когда второе английское издание романа Филдинга увидело свет [5; 9; 17].

² 28 декабря Джон Эптон также напишет Гаррису и поделится своими впечатлениями о провале «Амелии». Он отметит, что Филдинг настроен философски, хотя «Амелия» не оправдала

Но вопреки сдержанному приему, оказанному «Амелии», звучали и благожелательные отзывы. Их оказалось немного, но они были пронизательными и взвешенными. Не только Джон Клиланд в «Ежемесячном обозрении» (1752) восхищался оригинальностью темы романа, хвалил Филдинга за то, что писатель проявил внимание к героине в ситуации, когда его предшественники утрачивали к ней интерес после свершившегося замужества, оценивал «Амелию» как очевидную победу в жанре. С ним были солидарны ряд критиков. Но более всего Мэтью Мэйти удалось уловить подлинные достоинства книги, и в «Британском журнале» (1752) он выразил восхищение «автором, чье перо не только целомудренно, но и возвышенно, так как сочинитель не только срывает покровы с человеческой природы, но и облагораживает ее» [5, р. 536–537]. Мэйти превозносил правдивость описаний, отточенность диалогов, разнообразие характеров в романе. Он почувствовал, что Филдинг обличал «пороки соотечественников и созданные ими законы с тем, чтобы реформировать их». Мэйти утверждал, что «в тексте «Амелии» осязаемо присутствие не столько гражданина и судьи, сколько философа и подлинного христианина»³ [цит. по: 5, р. 537].

М. Баттестин напомнит, что совершенно неожиданно слова одобрения были произнесены доктором Джонсоном. Известно, что прежде он не мог заставить себя прочитать «Джозефа Эндрюса» и весьма невысоко отзывался о добродетелях автора «Тома Джонса», однако от последней книги Филдинга не мог оторваться. Несмотря на свое восхищение Ричардсоном, предпочел Амелию Филдинга Клариссе, так как она, по утверждению Джонсона, является наиболее привлекательной героиней всех когда-либо написанных романов⁴ [5, р. 537].

Все же английский литературный мир прохладно встретил «Амелию» и не отдал должное глубине эксперимента романиста. Несомненно, Филдинг был уязвлен, и в выпусках издаваемого им в 1752 г. «Ковент-Гарденского журнала» он в лицах разыграл воображаемый процесс над Амелией, представшей перед судом цензоров, ведущих дознание, где ее обвинял адвокат, выступавший от лица города, опираясь на «Законодательный акт о глупости». Последующее разбирательство, где вместо Амелии в роли обвиняемых оказались ее недалекие и злобные критики, по мнению М. Баттестина, выявило те просчеты романа, в которых его упрекали, в изложении самого автора. Прежде всего оппоненты не воспринимали как излишнюю серьезность поднятых писателем проблем подлинной религиозности и добродетели, так и героиню, которой, быть может, не хватало духовности. Не устраивали и персонажи романа, либо слишком неправдоподобные (доктор Гаррисон), либо избыточно поверхностные (полковник Бат), а также сцены в тюрьме ужасали падением нравов. Но более всего в расчет принимались язвительные реплики утонченных леди, порицавших книгу, при этом не удосужившись ее прочесть⁵.

надежд как читателей, так и книготорговцев. В романе не находят характеров, подобных пастору Адамсу, Сквейру, Твакому и Вестерну. Об «Амелии» говорят снисходительно, но не впадают в крайности. Миллар рассчитывал на большие доходы и поэтому был разочарован, Филдинг, вопреки, смеется, шутит, у него хороший аппетит, как и прежде. И так будет продолжаться до тех пор, пока мошенники не переведутся в Ковент Гардене, а Филдинг не перестанет подписывать судейские бумаги [5, р. 533].

³ Даже испытывавшие к Филдингу симпатию литераторы опасались реакции читателей на присутствующие в тексте «Амелии» сцены из жизни социального дна, содержащие неприукрашенные характеры обитателей Ньюгейтской тюрьмы.

⁴ Ричардсон, напротив, спустя два месяца после публикации «Амелии» уверял, что книга эта «уже давно мертва, как если бы была издана 40 лет назад и написана ради коммерческих целей» [цит. по: 5, р. 533].

⁵ Как досадный промах восприняли критики драматический поворот в судьбе юной героини: во время дорожного происшествия она получила ушибы и раны, и одна из них была болезненной.

Завершає судбене розбиральство речь писателя, где, обратившись к цензору, Филдинг не только признается в том, как дорога ему «Амелия», но и утверждает, что, сочиняя ее, он следовал канонам избранных. И если внимательно присмотреться, то едва ли в ней можно найти так много отклонений от установленных предписаний. «Вряд ли Гомер либо Вергилий следовали правилам с большей тщательностью, чем я, – продолжает Филдинг, – сердечный образованный читатель прозорливо заметит, что последний стал для меня образцом для подражания» [5, р. 538]. И затем, рассчитывая на снисхождение судей, Филдинг признает, что едва ли он не подвержен ошибкам, и заявит, что хотел бы найти с судом компромисс, который всегда возможен, когда подвергают наказанию за допущенные глупости. «Поэтому, – продолжает он, – я торжественно заявляю, господин цензор, что более не потревожу мир ни одним из моих творений, вызванных к жизни той же музой» [5, р. 538].

Пройдет время, однако полемика вокруг наиболее неоднозначного романа Филдинга продолжается и сегодня [2; 6; 8; 9; 11; 12; 14]. И так же эмоционально, как и английские читатели XVIII в., современные критики ищут объяснение причин столь ощутимой перемены во вкусах художника. Они не перестают размышлять по поводу литературной неудачи Филдинга [13–16].

Сквозным мотивом непрекращающихся по сей день споров об «Амелии» оказывается вызывающая сожаление мысль о том, что яркий, праздничный мир «Тома Джонса» померк, и его заслонил обыденный, прозаический образ большого города, обитателям которого трудно преуспеть в «искусстве жизни». Разочаровывает и манера повествования автора, более не склонного к теплому, искрящемуся юмором и остроумием общению с читателем, как бы разыгрывающего перед ним театральные спектакли по поводу рождения нового жанра – комической эпопеи в прозе. Теперь его поведение сдержанно, едва ли холодность тона и язвительная пронизательность изменяют рассказчику, когда он описывает слабости и простодушие добродетельных героев, как и вероломство и склонность к саморазрушению характеров, чьи «владельцы» не покидают пределы Ньюгейтской тюрьмы. Вопросы, которые задают себе литераторы прошлых веков и критики текущего десятилетия, удивительно перекликаются между собой, как и их ответы. Прежде всего они задумываются над тем, с кем можно сравнить Филдинга – создателя «Амелии»? Похож ли он на раннего Филдинга, не увидевшего отличия между парадной страницей истории и тенью в «Джонатане Уайльде»? Равен ли он Филдингу, творцу шедевра – «Тома Джонса», или уступает ему? Насколько сохраняет новизну и оригинальность, ступив на территорию Ричардсона – рассказав о трудностях, выпавших на долю хрупкой Амелии⁶, а, быть может, Смоллетта, представ в роли объективного регистратора суетных пороков, погони за властью и успехом, разыгрывающейся в городских декорациях?

Амелия не уберегла свой хорошенький носик, он был сломан к удовольствию завистниц. Филдинг провел Амелию через испытания, которые пришлось пережить его красавице-жене Шарлотте Крейдок, попавшей, к счастью, в руки искусного хирурга, вернувшего ей былую привлекательность. Лишь незаметный шрам, который делал ее еще более миловидной, остался на память о нелепом и трагическом событии. В романе Филдинг забыл упомянуть о само собой разумеющемся чудесном излечении Амелии, и это стало импульсом к появлению потока пародий, сатир, бурлескных текстов, где фигурировал образ «безносой Венеры». К рядам насмешников (а их было невероятно много) присоединился и Смоллетт, всегда ревниво следивший за успехами Филдинга [5, р. 534–535].

⁶ М. Баттестин отмечает, что взгляды на «Амелию» ричардсонистов пропитаны предубеждением, так как Филдинг без позволения посмел «охотиться в чужих угодьях» [5, р. 535]. Миссис Донелен писала автору «Клариссы»: «Бедняга Филдинг, я думаю, что замысел был хорош, но он не ведал, как его воплотить, и эта попытка стоила ему утраты его гения. Томас Эдвардс советовал

И здесь отдельным исследователям несколько изменяет чутье, они преувеличивают значение внешних влияний на Филдинга, не замечают свежести его концепций, независимости от навязываемых ему моделей. Р. Полсон в добротной биографии «Жизнь Генри Филдинга» подчеркнул, что в октябре 1748 г. Филдинг написал письмо Ричардсону, воздавая похвалу «Клариссе» [11, р. 285]. Само письмо и упоминание о «Клариссе» на страницах «Якобитского журнала» показывают, какое воздействие роман Ричардсона произвел на Филдинга во время чтения, что убедительно подтверждает, насколько знакомство с «Клариссой» его переменяло и привело к созданию «Амелии». «Действительно, – утверждает Полсон, – это единственное объяснение радикального и неожиданного отказа Филдинга от собственной манеры, открытой им в «Томе Джонсе» [11, р. 285]. Ряд свойств, внешне сближающих романы Ричардсона и Филдинга, казалось бы, прямо понуждает исследователей называть «Амелию» ричардсонским романом.

Художественные открытия Ричардсона проецируют на поэтику «Амелии». Ричардсонским находят и заголовок, для которого Филдинг избрал женское имя, сразу же обозначившее и тему женской судьбы в романе. С помощью эпистолярной формы Ричардсона оценивают и включение в последний текст филдинговского романа обилие вставных историй, рассказанных от первого лица. Разорванность сюжета в «Амелии», приемы ретардации и ретроспекции, где внимание читателя приковано к прошлому персонажей, которое не отпускает их и о чем они постоянно вспоминают, называют приемом, эквивалентным формам художественного психологизма, освоенного в романах в письмах, где обращение с течением времени было весьма свободным. Излишне зависимым от Ричардсона находят и решение образа повествователя в «Амелии», исполняющего здесь более скромную роль и поделившегося теперь остроумием и красноречием со своими персонажами [11, р. 286].

Драматизация структуры романа, которой увлекся Филдинг в своей странной экспериментальной прозе, определила не только концепцию образа автора в «Амелии», но и воплощение центральной коллизии и участь Амелии Бут, поистине, следуя Р. Полсону, «новой Клариссы», чьи житейские трудности воспринимаются в контексте семейных отношений [11, р. 286]. Она удивительно целостна по натуре и своими поступками утверждает неотвратимость вознаграждения добродетели, концовки, которую Филдинг желал «Клариссе». Не отрицая достоинств Ричардсона, а именно глубины репрезентации темы разрушительного поведения мужчин в социуме, безжалостно обманывающих женщин, часто толкающих их к падению и гибели, все же видеть в «Амелии» Филдинга лишь содержательную перелицовку «Клариссы» едва ли убедительно.

Однако в оркестровке проблемы испорченности нравов и вседозволенности в попирании прав слабого Филдинг объединит в «Амелии» мелодраматическую тональность и резкие сатирические обертоны в духе своего кумира Ювенала. И в этом случае Филдингу также откажут в самостоятельности эстетической концепции и обратятся к фигуре Смоллетта, большого, достойного художника, шотландца по происхождению, весьма сложно и неоднозначно оценивающего литературные успехи Филдинга. И хотя суждения исследователей о воздействии Смоллетта на Филдинга весьма осторожны, тем более что создателя «Перегрини Пикля» и «Родрика Рэндома» часто упрекали в неумелом, а иногда неоправданном, совме-

---

Филдингу не утруждать себя в описании возвышенных либо нежных порывов души, которые он слишком упрощенно представлял. «Я полагаю, – наставлял он одного из своих знакомых, – что если Хогарт и Филдинг осознавали природу своих талантов, они должны были бы следовать голландской манере письма и довольствоваться тем, что заставляли людей смеяться; из-за того, что истинно великие темы лежат за пределами их возможностей [5, р. 535].

щени стихии пикарески и литературы чувствительности в жанре романа, что спровоцировано известной двойственностью натуры его героев – циничных, расчетливых и чувствительных одновременно, Смоллетт все же получит в глазах отдельных критиков преимущество перед Филдингом⁷. И потому стилевая подвижность «Амелии», где мрачный колорит смягчает теплые, светлые краски, в которых выписан образ главной героини, хотя открыто не будет названа заимствованной, но в то же время не удивит многих своей оригинальностью.

Историко-литературная рецепция «Амелии» Филдинга не только драматична, но и обладает увлекательной интерпретативной интригой, и несходство мнений о статусе романа в художественном наследии писателя во многом провоцирует в последние десятилетия возрождение интереса к его тексту. И удивительно, но именно внимание литературных критиков к «Амелии», к ее поэтологической инаковости в ряду комических форм Филдинга приводит и к неожиданной переоценке достижений романиста. Полемизируя с критиками прошлых лет, воспринимавшими «Амелию» как «предательство Филдингом своего художественного гения», современные исследователи видят в ней «не только вызывающий восхищение поворот Филдинга к «социальному реализму» (Р. Розенгартен), но и неожиданную для его читателей тягу к эксперименту по созданию психологически неоднозначных характеров» [14, р. 7]. Филологи убеждены, что Филдинг остается верен своим прежним эстетическим открытиям, углубляет их. Так, литературовед-теолог Ричард Розенгартен рассматривает «Амелию» как продолжение темы Софьи Вестерн, которая порою заслоняет и «Джозефа Эндрюса», и «Тома Джонса». Обращение Филдинга к судьбе женщины в романе трактуется критиками нового этапа не столько как досадное отступление от сложившейся литературной практики, но как позитивное бурное рождение модерной эстетики писателя, обеспокоенного и сочувствующего тяготам жизни обездоленных и не реализовавших себя людей. Ричард Розенгартен иронично подметит, что обозначившиеся среди специалистов разночтения «Амелии» приводят к озадачивающему прецеденту. В пространстве критической мысли возникает как бы образ-символ колеса фортуны, которое, не замедляя бега, усилиями исследователей-традиционалистов возносит на вершину славы «Тома Джонса» и отбрасывает вниз «Амелию» либо наоборот, уже благодаря работам последних десятилетий о Филдинге «Амелию» превозносят и отвергают «Тома Джонса» [14, р. 6–7]. И эта парадоксальная ситуация делает их выбор необратимым.

Роберт Олтер, характеризуя поколение литературоведов, отдающих предпочтение «Тому Джонсу» и недооценивающих «Амелию», утверждает, что негативную роль в восприятии «Амелии» сыграла тема религии, так как избранник героини, Уильям Бут, «являет собою редкостную для Филдинга попытку изображения героя-христианина», но, по мнению исследователя, эта неудача во многом объяснялась сложностью для литераторов XVIII ст. убедительно представить «жизнь христианина в мире людей, утративших веру» [4, р. 146]. И поэтому явные назидатель-

⁷ Обладая ранимым и подозрительным нравом, Т. Дж. Смоллетт, участник многих литературных войн, разыгрывающихся в среде лондонских писателей середины века, открыто обвинял Филдинга в том, что образы Партриджа из «Тома Джонса» и мисс Мэтьюз из «Амелии» были позаимствованы из его «Родрика Рэндома». Р. Полсон с осторожностью относится к утверждениям Смоллетта, полагает, что такие схождения в романистике могут быть случайными, хотя констатирует, что действительно судьбы мисс Мэтьюз и мисс Уильямс удивительно подобны и отдают должное мастерскому владению палитрой сатирических и мелодраматических красок, которые Смоллетт обнаружил в «Родрике Рэндоме». И так как образный строй «Амелии», по мнению Полсона, едва ли был традиционен для Филдинга, он полагает, что, вероятно, эти художники взаимовлияли друг на друга, они знали творчество каждого и эти параллели между ними могли иметь место [11, р. 288].

тельные цели автора не были восприняты читателями эпохи, когда для многих оказывалось очевидно, что христианская вера все более ослабляла влияние в быстро меняющемся мире.

Однако многие из обращавшихся к тексту «Амелии» не разделяют мнение Р. Олтера и полагают, что Филдинг двойственно интерпретирует проблемы религии в романе. Образ Амелии, так сочувственно переданный Филдингом, наоборот, настаивают они, привлекает внимание к суровой реальности, в которой она существует, и ее жизнь полностью опровергает поучительные сентенции доктора Гаррисона, пастора-благотетеля четы Бутов и сторонника идей христианского провидения в романе. Мир едва ли доброжелателен к Амелии, и ее непоколебимая вера не способна защитить ее от отчаяния.

В «Амелии» надежда на силы провидения разрушается под бременем социального зла, и стремление сохранять реалистическую установку в романе и совместить ее с провидением оказывается невозможным, так как одно исключает другое, и те из интерпретаторов, которые видят «Амелию» Филдинга именно в таком свете, движение писателя от оптимистического универсума «Тома Джонса» к передаче жесткости существования человека в водовороте урбанистического хаоса, склоняет их предпочтения в сторону Амелии. И они приветствуют прозрение писателя и его этико-эстетическую зрелость.

Филдинг сдержал слово, данное читателям. «Амелия» стала последним из написанных им романов. Долгие годы недооцененная широкой аудиторией и литературными критиками, с недавних пор она выходит из тени более востребованных прежде текстов писателя и его современников и завладевает вниманием многих исследователей. Неуклонно зреет понимание достоинств художественных открытий романиста, и теперь «Амелию» называют одним из глубоких экспериментов позднего Филдинга, где его талант открылся по-новому. Он не только проложит собственный путь к литературным формам реализма XIX ст., учитывая опыт предшественников, но и найдет возможным иначе, нежели его знаменитый соперник Ричардсон, описать «искусство жизни» в мире, где порок попирает добродетель, к тому же прибегнув к жанру иносказательного биографического повествования.

М. Баттестин уверен, что значение «Амелии» для эволюции Филдинга как писателя велико. Книга обнажит изменившиеся художественные пристрастия романиста, представит автора в роли смелого реформатора, но более всего она «откроет потайные уголки его сердца», и поэтому, на взгляд М. Баттестина, «Амелия» является самым интересным произведением Филдинга [5, р. 538].

В романе Филдинг затронет обилие тем, подтверждающих роковой диагноз общества, страдающего от утраты ценностей, уравнявшего понятия социального успеха и преступления, и органично соединит эпическую мощь с неожиданно равновеликой по силе лирической линией судьбы хрупкой женщины, истоком жизнестойкости которой станет любовь, самопожертвование, мудрость соучастия к оступившимся и слабым.

Не случайно М. Баттестин заявит, что читателя поражает широта проблем, поставленных автором в «Амелии», где он равно озабочен как вопросами семьи, так и английской конституции. А Г. Паглиаро попытается хотя бы перечислить идеи, затронутые Филдингом в «Амелии», напомним, что здесь писатель размышляет о судьбе, Провидении, дружбе, любви, грехе, искушении, добродетели, семье, нарушении супружеской верности, политике, законе, религии, философии, образовании, медицине, теории романа. Также Филдинга будет волновать противостояние классов, успешность деятельности национального правительства, опасность дуэлей, карточных игр, обилие страстей, разрушающих человека [9, р. 179]. И все названные аспекты не исчерпывают содержательную емкость романа.

Несмотря на то, что исследователи всегда высоко оценивали попытку Филдинга объединить в романе панорамность анализа английских нравов с желанием показать единичный человеческий опыт в неповторимости психологических реакций, все же внимание критиков более занимал социальный универсализм писателя [8, р. 1].

Даже неискушенный читатель, ознакомившись с содержанием романа, отдает себе отчет, что история житейских испытаний Амелии и Уильяма Бут, полуничих, разорившихся, обделенных наследством, попавших в зависимость от могущественных, но циничных покровителей, – лишь основание того многомерного, эпически цельного мира, который рождается по воле автора⁸. Незатейливый сюжет о трудностях повседневного существования любящей друг друга семейной пары встроено Филдингом в систему динамичных координат, где важным оказывается не только измерение индивидуальной судьбы героев, разворачивающейся в узнаваемом историческом времени и зависимой от состояния общества, навязывающего определенные нормы поведения, но и замысел писателя увидеть в конкретном эпизоде символическую проекцию сложившихся первосмыслов культуры.

Исчерпывающих комментариев, объясняющих обращение к «Энеиде» Вергилия как к литературной классике, ставшей материалом для творчества, предметом полемики и художественного преображения в романе, Филдинг не оставил. Хотя в «Ковентгарденском журнале», удрученный сдержанно-равнодушным отношением к «Амелии» читателей, он еще раз напомним о тех эстетических критериях, которыми руководствовался, соизмеряя собственный текст с высокими образцами Гомера и Вергилия. Однако принятое Филдингом конструктивное решение выбрать в проводники художника, за которым в истории культуры закрепились репутация провидца, умевшего, как никто из поэтов, не только почувствовать, но и выразить таинство движения времени от прошлого к будущему, чрезвычайно вдохновляет литературных критиков. Они подробно отслеживают включение мотивов, сюжетных ходов «Энеиды» в текст «Амелии», выявляют сближение образов героев, но прежде всего отмечают, что Филдинг, вступив в соперничество с Вергилием, бросает читателю вызов, включает его в процесс метатекстуальной интерпретации романа и демонстрирует широту и интеллектуализм собственного художественного мышления.

Вопрос о преображении опыта Вергилия в «Амелии» Филдинга занимает многих исследователей. Одни из них (А. Уотт, Р. Олтер, М. МакКеон, Н. Мэйс) трактуют его как частный аспект теории и практики жанра романа, утвердившегося в европейской литературе благодаря Филдингу, предложившему читателям разнообразные пути романизации классической эпики в собственном тексте. Другие (Дж. Шерберн, Л. Пауэрс, М. Джонсон, Кл. Роусон, Р. Полсон, Б. Стовел) – склоняются к более узкому пониманию темы и обстоятельно интерпретируют приемы вхождения архаических образцов в литературные формы Филдинга, с тем чтобы показать, как Филдинг, модернизировав мир классики, сохраняет его для читателя-современника. Вероятно, исчерпывающе обобщить процесс создания Филдингом резонансной художественной структуры, где сосуществуют, отражаясь друг в друге, мотивы классической литературы и поэтика повседневного, еще

⁸ Текст «Амелии» объемён, однако временные рамки, ограничивающие действие в романе, невелики. Неприятное происшествие станет истоком движения сюжета: благородный и простодушный Бут в ночь на 1 апреля 1733 г. защитит незнакомца от разбоя. А так как в мире, где мораль разрушена, благой поступок наказуем, а зло торжествует, согласно решению судьбы Бута отправляют в тюрьму как зачинщика беспорядков. Не единожды он будет терять свободу и выходить из заключения под денежный залог. И последний раз это произойдет 24 июня, когда благодаря участию друзей и случайности, восстановившей справедливость по отношению к его близким, герой обретет возможность начать новую жизнь.

предстоит. Сейчас наиболее влиятельной среди литературных критиков является идея Р. Полсона о том, что нескрываемое Филдингом родство романа с классическим текстом облагораживает непритязательный сюжет и соотносит его с тревогой автора по поводу нравственного перерождения англичан [11, р. 295]. Р. Полсон убежден, что с помощью авторитета традиции Филдинг смягчает прозаичность многих тем, а «Энеида» востребована Филдингом потому, что ее воспринимали как протохристианский эпос о герое, изведавшем горечь поражений и утрат, претерпевавшем удары судьбы во имя будущего. Присутствующие в «Энеиде» отсылки к образу Рима Октавиана Августа перекликаются в «Амелии» с описаниями Лондона, где погублены христианские ценности, что рождает критическую двойственность восприятия романа читателями-христианами, томящимися в ловушке общества, напоминающего своими пороками Рим Ювенала [11, р. 295].

Ценители Вергилия, обратившись к тексту романа Филдинга, сопереживают капитану Буту, в прошлом – герою сражений, а ныне преодолевающему бедность и унижения. В рисунке образа героя, который часто ведет себя отнюдь не героично, впадает в отчаяние, обречен на непрерывные страдания и смиренно принимает удары судьбы, многие увидят сходство с Энеем. Тема «человек и судьба», наследование классических представлений и полемика с ними, рефлексия над возможностью субъективного вмешательства во внешние силы, попытка разгадать индивидуальный смысл заданных жизненных вех – организует основной содержательный пласт «Амелии». Филдинг начнет повествование в «Амелии» с полемического перетолкования вергилиевского мотива Фатума, намеренно снижая его до идеи Фортуны, где подчеркнет стремление ее объяснить, понять и укротить с помощью земного «искусства жизни».

Современники свидетельствовали, что «Амелию» можно назвать самым личным романом Филдинга, он перенасыщен биографическими деталями из жизни автора. Прототипом Бута был не только Филдинг, но и его отец, а в Амелии узнавали первую жену романиста, Шарлотту Крейдок, а также мать писателя, Сару Гулд. Родные и друзья уверяли, что затруднения, присутствующие в жизни Бутов, действительно имели место, а натуры Эдмунда и Генри Филдингов были удивительно похожи, как и последствия их опрометчивых решений, от которых страдали близкие: легкомысленное отношение к наследству жен, которое оба быстро растратили, излишняя доверчивость и открытость характеров, что часто использовали мнимые доброжелатели, карточные долги, постоянные финансовые затруднения. Однако недостатки компенсировались щедрым, добросердечным нравом, энергичностью, большой даровитостью. Эдмунд Филдинг в молодые годы проявил себя как талантливый и безгранично храбрый офицер, рано достигший высших армейских чинов, а Генри Филдинг стал известен не только как журналист, драматург, поэт и романист, но и как влиятельный юрист.

Биографы Филдинга, которые более всего преуспели, комментируя совпадения из жизни самого Филдинга и литературных героев «Амелии», обратили внимание, что автор прикрепляет ход событий в романе к 30-м гг. XVIII ст., отделяя его от настоящего продолжительной временной дистанцией⁹. Литературные критики заметили, что для писателя важна не только задача искоренения зла публичного и частного, столь обременяющего жизнь англичан, но и та художественная форма, к которой он прибегнет. Нарративная организация романа, где присутству-

⁹ Упомянутые Филдингом темпоральные пределы сюжета «Амелии» не случайны. Они соотносятся с 1 апреля, днем насмешек над глупостью и дураками, и отсюда, быть может, возникает мотив пребывания Бута в тюрьме, где он так же гоним и преследуем, как и вне ее стен. А 24 июня, когда случай и добрая воля друзей помогают Бутам обрести счастье, в Древнем Риме отмечали как знаменательную дату, а именно праздник Фортуны.

ют вставные истории, восстанавливающие события прежней жизни героев: возлюбленной Бута – миссис Мэтьюз, самого Бута, а также миссис Беннетт, желающей оградить Амелию от опасных притязаний влиятельного вельможи, – актуализируют модель исповеди-покаяния, где важным мотивом оказывается стремление оценить собственное прошлое, найти с ним примирение либо не принять его. Пафос подведения итогов, поиска смысла пройденного пути, тех охранительных опор, которые укрепляли каждого из героев либо, наоборот, приводили к ложным решениям, доминирует в структуре последнего романа Филдинга, где автор-рассказчик мудр, сдержан, обладает всеведением эпика, но при этом не вмешивается в судьбы персонажей, а, скорее, предоставляет им свободу и самостоятельность, не навязывает свою волю читателям. Вероятно, осознанно повествователь в эпилоге сообщает о состоявшейся либо несложившейся судьбе действующих лиц «Амелии». И, скорее всего, успех или проигрыш в поединке с жизнью зависит от стремления каждого постичь личный смысл избранного пути: через раскаяние Бут придет к необходимости искупления прошлых ошибок и принятию ценностей христианства, но подлинным спасением для него станет любовь преданной Амелии.

Библиографические ссылки

1. *Ингер А.* Последний роман Генри Филдинга / А. Ингер // Амелия / Г. Филдинг. – М. : Наука, 1996. – С. 445–485.
2. *Роджерс П.* Генри Филдинг. Биография / П. Роджерс. – М. : Радуга, 1984. – 207 с.
3. *Филдинг Г.* Амелия / Г. Филдинг. – М. : Наука, 1996. – 535 с.
4. *Alter R.* Fielding and the Nature of the Novel / R. Alter. – Cambridge : Harvard UP, 1968.
5. *Battestin M.* Henry Fielding. A Life / M. Battestin, R. Battestin. – L. ; NY : Routledge, 1989. – 738 p.
6. *The Cambridge Companion to Henry Fielding* / [ed. by C. Rawson]. – Cambridge : Cambridge UP, 2007. – 202 p.
7. *Fielding H.* Amelia [Electronic resource]. – Access mode: www.gutenberg.com.
8. *Haggerty G. E.* Fielding's Novel of Atonement: Confessional Form in Amelia / G. E. Haggerty // Eighteenth-Century Fiction. – 1996. – Vol. 8, Issue 3. – P. 1–18.
9. *Pagliaro H.* Henry Fielding. A Literary Life / H. Pagliaro. – NY : St. Martin's Press, 1998. – 237 p.
10. *Parker A. J.* The Author's Inheritance. Henry Fielding, Jane Austen, and the Establishment of the Novel / A. J. Parker. – DeKalb : Northern Illinois UP, 1998. – 238 p.
11. *Paulson R.* The Life of H. Fielding / R. Paulson. – Blackwell, 2000. – 400 p.
12. *Rawson C.* Henry Fielding / C. Rawson // The Cambridge Companion to the Eighteenth Century Novel / [ed. by J. Richetti]. – Cambridge : Cambridge UP, 1996. – P. 120–152.
13. *Richetti J.* Fielding: System and Satire / J. Richetti // The English Novel in History. 1700–1780 / J. Richetti. – L. ; NY : Routledge, 1999. – P. 121–161.
14. *Rosengarten R.* Providence Displaced: The Recourse to the Final Judgment in "Amelia" / R. Rosengarten // Henry Fielding and the Narration of Providence / R. Rosengarten. – NY : Palgrave, 2000. – P. 91–115.
15. *Sabor P.* Richardson, H. Fielding, and Sarah Fielding / P. Sabor // The Cambridge Companion to English Literature. 1740–1830 / ed. by Th. Keymer, J. Mee. – Cambridge : Cambridge UP, 2004. – P. 139–156.
16. *Smallwood A.* The Status of Fielding's Heroines: Tom Jones and Amelia / A. Smallwood // Fielding and the Woman Question / A. Smallwood. – NY : St. Martin's Press, 1989. – P. 144–171.
17. *Varey S.* "Amelia" / S. Varey // Henry Fielding / S. Varey. – Cambridge : Cambridge UP, 1986. – P. 107–134.

Надійшла до редколегії 12.04.2012 р.